

телевидение

Продолжается конкурс зрителей — «Лучшая роль месяца». Какая работа получит признание в сентябре? Слово — за читателями

ЛУЧШАЯ РОЛЬ МЕСЯЦА

— Только что вернулся из Праги, со съемок «Битвы за Москву», — объяснил Михаил Александрович. — Это продолжение киноэпопеи «Освобождение». Опять работал с режиссером Ю. Озеровым, снова роль маршала Жукова. А в понедельник лечу на съемки документальной картины «От Халхин-Гола до Берлина». У меня будет что-то вроде роли «от автора».

Ехать до Жуковского около часа. А где беседа столь естественна и откровенна, как не в дороге? Что же касается предмета разговора, то его ваш корреспондент, можно сказать, держал в руках — многочисленные письма читателей, которые, высоко оценив мастерство Ульянова, обратились к нему с просьбой рассказать о работе над ролью Брызгалова. Но Михаил Александрович прежде всего обратился к критическому отклику педагога Е. Конкиной, опубликованному в «Советской культуре» 15 сентября.

— Меня радует сам факт таких писем, — говорит Михаил Александрович. — Важно, когда тебя не хвалят или ругают, а серьезно размышляют о жизни, об искусстве, анализируя при этом их взаимоотношения. Сейчас много пишут о специфике телевидения. Для меня чудо малого экрана в том, что между ним и зрителем вдруг возникает диалог. Какая-нибудь инсценировка по классике годами спокойно идет в театре, а покажи ее по телевидению — и она сразу же вызывает поток писем. Их авторы будут восхищаться, спорить, негодовать. Только у телезрителей есть такая неистребимая потребность в общении. И это нужно использовать, тонко, ненавязчиво воспитывая вкус. Как?

Да прежде всего создавать работы, достойные обсуждения. А это получается так: телевидение привлекает прекрасных актеров, но порою для участия в фильмах и спектаклях на такие мелочные темы, что артист уподобляется гоголевскому губернатору, который вышивал по тюлю вместо выполнения государственных обязанностей. Сколько у нас по телевидению идет сладеньких, сентиментальных историй, пустых детективов! Я, конечно, понимаю, что четыре телеканала не наполнишь одними шедеврами. Ну, пусть будет скромный фильм без больших обобщений — хотя бы несколько точных и правдивых наблюдений. Мне возразят: какой, мол, вред от приукрашенной экранной жизни, если в реальной человеку и так трудностей хватает?

— Кстати, подобное письмо пришло и после «Кафедры». Его автор, пожалевший остаться неизвестным, пишет, что ему скучно разбираться в таких сложных проблемах. Лучше бы побольше развлекательных программ.

— Вот видите, а после филь-

Хотя итоги августовского зрительского и читательского конкурса «Лучшая роль месяца» были подведены давно, интервью с его победителем — народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии М. Ульяновым — мы смогли опубликовать только сегодня, спустя месяц после премьеры телеспектакля «Кафедра», где Михаил Александрович сыграл роль профессора Брызгалова. Весь этот месяц Ульянова не было в Москве. Читатели, вероятно, представляют себе все сложности актерской, как шутит Ульянов, «цыганской» жизни. Вот и на этот раз интервью с победителем пришлось брать во время поездки вахтанговцев на выездной спектакль в подмосковный город Жуковский.

М. УЛЬЯНОВ:

Когда зрители спорят

ма-спектакля «День-деньской» я получил больше сотни таких писем. За покой начал зритель голосовать! Можно ли после этого говорить о безвредности пустых фильмов? Нет, искусство — не дом отдыха, а зрители — не отдыхающие: они обязаны думать о жизни, искать ответы на ее сложные вопросы.

— Однако, по мнению Конкиной, автор пьесы «Кафедра» несколько упрощает реальную сложность жизни.

— Согласен. И все же в пьесе Врублевской есть главное, что дает ей право на телеэкран: есть, как пишет та же Конкина, «постановка наиболее сложной проблемы», а значит, и возможность диалога со зрителем. Ведь брызгаловщина — это болезнь внутренняя, а не внешняя. Ее нелегко опознать. А между тем ради своих личных интересов, которые брызгаловы умеют демагогически завязать с государственными, они никого не пощадят. Но пока они огорожены таким частотоклом, что не подберешься: здесь и круговая порука, и поток «правильных» слов, и слащавые заверения в любви и преданности. Телеэкран позволил мне продемонстрировать Брызгалова во всеоружии его прочных жизненных приспособлений и проникнуть в тайники его души; показать, как трудно вывести болезнь брызгаловщины, убить ее каким-то одним лекарством. Трудно потому, что ее питательная среда — не слепота окружающих, а их малодушье. Недавно в одной газете я прочитал очерк о председателе колхоза, на которого постоянно идут анонимки. И вот целые комиссии работают по их проверке. Ано-

нимные жалобы — большая наша беда, и о борьбе с ними принципиально говорилось на XXVI съезде партии. Только не надо забывать, что возникли анонимки не на пустом месте. Члену коллектива часто трудно и опасно вслух критиковать действия руководства. Именно поэтому в последних партийных документах был сделан акцент на недопустимости зажима критики. Вот Конкина сомневается, что преподаватели кафедры осмелятся назавтра выступить против Брызгалова. Правильно! Опасен не столько Брызгалов сам по себе, сколько страх перед ним. Надо, чтобы человек не боялся вслух и открыто высказать свое мнение — это утверждение отвечает духу и стилю истинной партийной работы.

— Есть ли у вас критерии выбора роли? Вопрос не случаен. Т. Галушкина из Ленинграда пишет: «Ульянов безусловно блестяще сыграл Брызгалова, но мне все же непонятно, зачем актер, который создал такие замечательные образы положительных героев, как Трубников или майор Копалев, взялся за мрачную личность Брызгалова».

— Знаете, у зрителей бывает такая своего рода ностальгия, когда хочется видеть актера привычным. Это можно понять. Хуже, что актеры, заискивая перед публикой, порою боятся серьезных ролей, если эти роли противоположны тем, которые они с успехом играли раньше. Особенно часто в такие ситуации попадают постоянные участники телесериалов. Лично мне смотреть на них бывает и скучно, и грустно. Да, у меня есть

свои критерии выбора роли. Истинный артист — это, по-моему, разведчик жизни, ее сильных и слабых сторон. И меня всегда как гражданина и как актера интересует возможность нащупать через роль социально значимое, то, что существенно сегодня.

Человек, подобный Трубникову, вряд ли заразит нынешних двадцатилетних. Да и мне сейчас видится иной герой вроде бы ничем не примечательный, не облеченный властью, не безрассудный, но бесстрашный, когда дело касается интересов добра и справедливости. Таким был мой Кустов в кинофильме «Последний побег». Таким будет мой Едигей, которого я сейчас репетирую в спектакле Вахтанговского театра по роману Ч. Айтматова «И дольше века длится день». Должность у Едигея самая скромная — он простой железнодорожный рабочий. А личность эта необычайно крупная. Человек же, личность которого невозможно истребить, который до конца будет защищать высшие законы справедливости, на какой бы ступени общества он ни стоял, и есть, по-моему, настоящий герой нашего времени.

— Смотреть телевизор времени, наверное, не хватает, но, может быть, у вас все же есть любимые передачи?

— Останкинские вечера. Здесь проявляется личность человека, его гражданская позиция — и видно, какой он без чужого костюма, без чужого текста. Это, возможно, потому, что герою такой передачи — актеру, писателю, режиссеру — доверена самая сложная и ответственная роль: быть собеседником миллионов людей сразу и каждого человека в отдельности. А вот «Театральная гостиная» мне не нравится, поскольку здесь неясна задача участников передачи: то ли они должны беседовать между собой, то ли отчитываться перед зрителями. Вообще на ТВ пока интереснее документальные передачи. Может быть, потому, что здесь чаще ищут и находят специфически телевизионные формы. Но есть и другая причина: телефильмы и телеспектакли редко поднимаются до того уровня правды, который достигнут во многих документальных программах.

Еще хотелось спросить, как Ульянов относится к фильмам-спектаклям, тем более что недавно на телеэкране перевели его любимое детище — вахтанговского «Ричарда III». И, конечно же, поговорить о радио, где он начинает работу над «Мертвыми душами». Но автобус безжалостно въехал в Жуковский. И вопросы вдруг стали неуместными: Михаил Александрович как-то ушел в себя, сосредоточился. Так, наверное, бывает всегда перед очередным спектаклем.

Интервью взяла
Е. ЧЕКАЛОВА.

Фото Б. Вдовенко.